

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Кротоков Романа Николаевича

«Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв.»,

представленную на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Актуальность темы. Тема диссертации весьма актуальна; особую важность она имеет именно для России – страны поликонфессиональной и полиэтнической, нуждающейся в осознании собственной цивилизационной идентичности, одной из основ которой является религия. Значимость исследования конфессионального пространства Северо-Запада России и стран Прибалтики обусловлена масштабами его преобразований, которые до настоящего времени в отечественной географии еще не подвергались столь подробному изучению. Также отдельно необходимо отметить продуктивность исследования конфессионального пространства в различных исторических условиях, что важно для уточнения закономерностей его развития.

К сожалению, отечественных исследований в области географии религий, несмотря на их актуальность, все еще крайне мало, поэтому в них всегда имеется элемент дискуссионности, что вызывает особый интерес к подобным диссертационным работам.

В диссертации автором сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуется его понятийно-терминологический аппарат. Выбранный соискателем объект исследования – конфессиональное пространство Северо-Запада России и стран Прибалтики – предопределил междисциплинарный характер диссертации, которая выполнена на стыке социально-экономической и политической географии, религиоведения, истории и социологии. Именно такой подход в исследованиях религиозной сферы в настоящее время наиболее актуален и дает самые интересные результаты.

Новизну работы определяет привлечение обширного статистического материала за более чем вековой период для анализа динамики конфессионального пространства слабо изученного территориального полигона – прежде всего это касается стран Прибалтики.

Новым являются выделение автором историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и стран Прибалтики, а также проведение их интегральной типологии, основанной на динамике компонентной структуры конфессионального пространства, начиная с конца XIX в.

Диссертантом впервые на примере выбранного территориального полигона выделяются основные составляющие территориальной структуры конфессионального пространства региона исследования – конфессиональные ядра и контактные зоны. С помощью инструментария, ранее не использовавшегося для решения такого рода задач, диссертантом подробно анализируются конфессиональные контактные зоны в избранном полигоне.

Перспективной, на наш взгляд, представляется попытка автора преодолеть проблему нехватки статистических данных через привлечение других характеристик населения – прежде всего этнического состава. Отдельного упоминания заслуживает богатый иллюстративный материал – 59 рисунков, в том числе 50 картосхем.

Достоверность положений и выводов подкрепляется широтой теоретической и информационной базы исследования, включающей в том числе официальные статистические данные переписей населения и материалы социологических опросов. Работа опирается на довольно солидную и разнообразную базу источников.

Достоверность и обоснованность научных положений подтверждаются их апробацией, которую они прошли в рамках выступлений автора на многих международных и всероссийских научных конференциях. Результаты диссертационного исследования изложены в 17 научных публикациях, включающих 9 статей в изданиях из перечня ВАК РФ; 4 из них также индексируются в международных базах данных Scopus и Web of Science.

Структура работы выглядит логичной и последовательной, все четыре главы согласуются друг с другом и, в целом, соответствуют поставленным задачам и цели диссертации; положения защиты достаточно обосновано вытекают из содержания работы и вносят определенный вклад в понимание процессов динамики конфессионального пространства в рамках рассматриваемого территориального полигона.

В первой главе исследования на основе диссертационных исследований прежних лет автором рассматриваются теоретические основы географии религий, а также делается попытка обоснования авторского методического аппарата для выявления особенностей динамики конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики. Во второй главе основное внимание уделяется историческому контексту развития конфессионального пространства полигона; в третьей – диссертант рассматривает состояние конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в современное время. Четвертая (заключительная) глава, в которой соискатель обобщает материал предыдущих глав, посвящена историко-конфессиональному районированию Северо-Запада России и Прибалтики, а также трансформации его компонентной и территориальной структуры.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Работа интересна своим историко-географическим контекстом, а также яркой и профессионально выполненной картографической составляющей – в результате исследования получилось очень географичным. Результаты диссертации могут быть использованы для дальнейших исследований структурных сдвигов в конфессиональном пространстве уже других территориальных полигонов. Авторские исследовательские подходы могут быть применены – с определенными ограничениями – для изучения этнокультурного пространства.

Практическое значение исследования состоит в том числе в возможности применения его результатов при совершенствовании внутренней и внешней политики России в условиях формирующегося нового многополярного миропорядка. Полученные автором в ходе исследования материалы также имеют большое практическое значение для использования в системе вузовского

преподавания различных географических и исторических дисциплин, что убедительно доказывается автором в его педагогической деятельности в Псковском государственном университете.

Вместе с тем, представленная работа – как и любое исследование – не лишена **недостатков и спорных моментов**, которые нуждаются в дополнительном обосновании и разъяснении.

1. Чрезмерное акцентирование внимания читателя на новизне используемых методов и излишняя терминологическая сложность. Претензия автора на теоретико-методологический вклад (первая задача и первое положение) в развитие географии религий выглядит неоправданно – Романом Николаевичем используются подходы, уже разработанные его предшественниками. Замечание со стороны рецензента не относится к методологической преемственности в целом – это всегда хорошо; однако же уважаемый диссертант позволяет себе вольности в использовании существующих подходов, изобретая новые названия для уже существующих терминов и индексов, плодя новые сущности совершенно без необходимости.

В результате Индекс Эккеля, именуемый так в отечественной географии по фамилии ученого, впервые его применившего для анализа этнической структуры, превращается в работе в индекс религиозной мозаичности (ИРМ), хотя в расчетах этносы всего лишь заменяются религиями. Модифицированные индексы общей (с учетом нерелигиозного населения) и религиозной (без учета оногo) мозаичности, предложенные Вашим покорным слугой, автор предлагает именовать модифицированными индексами соответственно конфессиональной и религиозной мозаичности с единственной целью – чтобы «их не путать» (стр. 35–38). И здесь необходимо отметить, что возможность применения этих (да и любых других) индексов не ограничивается изучением конфессионального пространства: на наш взгляд, математические формулы вообще не имеет смысла называть и переназывать в зависимости от данных, которые в них подставляются.

Учитывая, что автором проводится сравнительно-географический анализ динамики геопространств религий, в работе мог быть применен подход, разработанный И.А. Захаровым для определения стадий развития геопространств

религий (расширение, сжатие, стабилизация). Уважаемый диссертант на соответствующие работы ссылается, однако же заменяет указанные характеристики процесса – гораздо более привычные географическому «уху» – на публицистические «растекание» и «сужение» (стр. 165–167).

Таким образом, автор тратит время и страницы работы фактически на «изобретения велосипеда» – вместо того чтобы именно настроить уже существующий методический инструментарий для исследования конфессионального пространства выбранного территориального полигона. Для кандидатской диссертации такого варианта развития событий было бы вполне достаточно – в том числе и при описании научной новизны работы.

2. Конфессиональное пространство автор рассматривает «в рамках концепции геокультурного пространства» (стр. 30), хотя выше он пишет о существовании концепции собственно конфессионального пространства, которую, возможно, он мог бы обогатить. Само стремление автора объединить в своей работе подходы разных школ отечественной географии религий похвально, однако если это делать в значительной степени искусственно, то ожидаемого синергетического эффекта не происходит. Ведь в рамках исследования именно геокультурного пространства в отечественной географии разработан обширный набор качественных методов. Работу в этой связи, несомненно, обогатили бы результаты авторских полевых исследований хотя бы на примере Псковской области.

3. Обоснование автором временных отсечек, используемых для выделения фаз и стадий развития конфессионального пространства отдельных стран и регионов, входящих в исследуемый территориальный полигон, основывается на хронологии проведения переписей и ревизий населения и носит формальный характер. Сам автор признает, что выделение им стадий развития может иметь в качестве основы не естественные процессы, происходящие в конфессиональном пространстве, а, «скорее, неточности статистики» (стр. 91).

Использование методики временных срезов, хронологически и количественно (где-то было больше переписей, а где-то – меньше) не совпадающих у трех республик Прибалтики и Северо-Западного региона России,

затрудняет анализ трансформации конфессионального пространства всего исследуемого в работе территориального полигона. Возникает вопрос, а если бы первая всеобщая перепись населения Российской империи, например, состоялась бы не в 1897 г., а на 5 лет раньше или позже, привело бы это к сдвигу на пятилетие и начала фазы динамики конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики?

4. Следующее замечание, вытекающее из предыдущего, касается того, что автор при исследовании конфессионального пространства «допускает» вопиющий временной лаг – более полувека (с 1941 по 2000 гг.) – который вообще не рассматривается. А ведь на эти годы приходится развитие процессов политической и социальной секуляризации, а также интенсификация миграционных процессов в исследуемом регионе. Возможно ли – пускай хоть отчасти – «заполнить» его с опорой на авторский метод «потенциальной религиозности»?

5. Недостаток статистических данных – сложная проблема, с которой сталкивается в своих исследованиях каждый географ религии. В таких условиях не понятно, почему автор в своей работе игнорирует масштабный корпус доступных статистических данных? Имеются в виду прежде всего данные, предоставляемые Ассоциацией архивов религиозных данных (ARDA), а также статистические отчеты религиозных организаций (например, папский ежегодник «Аннуарио Понтифичио»). Именно они могли бы дать значительно более полную, объемную картину преобразования конфессионального пространства исследуемой территории – в том числе и за упущенный в диссертации период.

6. Из текста работы не вполне ясны критерии выделения историко-географических районов, представленных автором в качестве одного из ключевых результатов: ссылки на Г.З. Озема при этом явно не достаточно. Представляется, что используемые подходы к районированию могли бы учитывать наработки представителей ландшафтной школы: в частности, анализ конфессиональной статистики следовало бы дополнить изучением динамики церковной инфраструктуры – хотя бы на примере Псковской области. Не меньшее значение имел бы географический анализ административного устройства церкви.

Тем не менее высказанные замечания по большей части носят рекомендательный характер и не снижают общего хорошего впечатления от исследования, выполненного в русле лучших традиций отечественной школы общественной географии. Автореферат и опубликованные автором работы отражают основное содержание диссертации. Диссертация является самостоятельным законченным исследованием и соответствует критериям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 20.03.2021)), а ее автор – Кроток Роман Николаевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Заведующий Центром глобальных
и стратегических исследований
Института Африки РАН,
д.г.н., профессор

Горохов

Станислав Анатольевич

Подпись	Горохова С.А.
	заверяю
Начальник отдела кадров	Ильина

21.10.2025

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Африки Российской академии наук
Адрес: 123001 г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: 8-495-690-63-85
E-mail: stgorohov@yandex.ru
Специальность, по которой защищена диссертация: 25.00.24 –
Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география